СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
ИГРА
ОКОНЧЕНА
АЛЯ КЬЮТ

Аля Кьют

Игра окончена

«Автор»

2020

Кьют А.

Игра окончена / А. Кьют — «Автор», 2020

София Семенова - лучшая студентка на курсе. Ей некогда играть в любовь и крутить романы.Она пойдет на все, чтобы попасть на стажировку к лучшему адвокату в Петербурге.В жизни Сергея Бельского - только работа. Личная жизнь по расписанию и больше похожа на спектакль. Однажды в его игру попадает незнакомка. Эту ошибку он предпочел бы забыть, но она приходит к нему в офис и претендует на стажировку. Сергею очень сложно игнорировать идеальную студентку и собственные чувства.Содержит нецензурную брань.

© Кьют А., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Ошибка 5
Глава 2. Кровь 13
Глава 3. Проверка 21
Глава 4. Спасибо 29
Глава 5. Зависть 34
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Аля Кьют
Игра окончена

Глава 1. Ошибка

Соня

Сидя на высоком стуле, напротив панорамного окна, я сморю на улицу и в очередной раз понимаю, как люблю Питер. Особенно сегодняшний Питер с его мягкой теплой зимой. Без пуховика, в котором похожа на дирижабль. С зелеными газонами и дождями вместо пурги.

Как же приятно побродить по городу, наслаждаясь теплом, а потом зайти в уютную кофейню и ждать подругу.

Наташа пробегает мимо и замечает меня за столом. Она прикладывает ладонь к стеклу в знак приветствия, а я машу ей, расплываясь в улыбке. Меня радует все. Ну или почти.

Расцеловав Наташу, я тут же ощущаю легкий укол зависти. Она выглядит слишком хорошо, и это значит лишь одно.

– Светишься, – ставлю я диагноз подруге. – У Леши ночевала?

– Так заметно?

Наташа прижимает ладони к лицу, но я прекрасно знаю, что ей не стыдно.

Мы вместе приехали покорять Питер. Обе поступили и учились в одной группе на юридическом. Но на этом моя удача закончилась, а Наташкина только началась. Она почти сразу закрутила роман с выпускником. Сегодня ее бойфренд Алексей Белов учился в магистратуре и работал в самой известной адвокатской конторе Петербурга. Он был влюблен в мою подругу по уши, речь часто шла о свадьбе.

Разумеется, я немного завидовала и не скрывала это.

Наташа заказывает кофе и садится со мной рядом.

– Надеюсь, ты не занята сегодня? – спрашивает она, снимая губами пенку с капучино.

Я смеюсь.

– Сегодня – нет. У меня же стажировка с понедельника. Завтра я буду отсыпаться и готовиться ублажать Бельского.

– В каком смысле? – двигает бровями Наташа.

Мои глаза закатываются, и я даже немного обижаюсь на подругу.

– Не в том, который сияет на твоей физиономии после ночи с Беловым.

– Брось, Соф. Я же пошутила. Поехали сегодня к Лешке на вечеринку. Его родители улетели на Мальдивы, весь дом наш. Он друзей пригласил. И Костю. Помнишь?

Я кусаю губу, потому что помню Костю, друга Леши. Его сложно забыть. Высокий блондин с пронзительным взглядом. Мои пальцы стучат о высокий стакан латте, пока я вспоминаю, как мы познакомились.

– Костю я помню. А еще помню, что он меня поцеловал и не звонил потом. Так что…

Я развожу руками, но Наташу это не останавливает. Она вздыхает и выдает мне тайну.

– У него тогда девушка была, но на днях они разошлись.

Это все объясняет, конечно. И моментально у меня нет повода отказаться от вечеринки. Разве что одежды подходящей не найду. Но этот вопрос моментально решает Наташа.

– Поехали к нам. Я тебе одолжу потрясающее платье. Костя только тебя в нем увидит, забудет не только бывшую, но и всех женщин на свете.

Этот аргумент лишает меня сил и желания сопротивляться. Я и так не была против веселого отдыха. Разве что немного страшно отправиться в дом родителей Алексея. Люди они состоятельные, даже богатые. И друзья у бойфренда Наташки все на него похожие. С другой

стороны, на юрфаке таких случайных зубрил, как мы, одна–две, все остальные – коммерческие или по договоренности. Я за два года привыкла к мажорам. А еще поняла, что никто и никогда мне не поможет. Если сама не постараюсь, не вылезу из кожи вон, то упущу все лучшие возможности, которые предоставил мне университет.

Именно так я попала в число претендентов на должность стажера Сергея Бельского. Он был одним из основателей той самой конторы, где сейчас работал Наташкин Леша. За саму должность я должна была бороться еще с тремя претендентами. Всю весну и лето мы должны будем варить Бельскому кофе, мотаться по судами и ментовкам, грызть друг другу глотки. И, может быть, Сергей Александрович возьмет одного стажером. Чтобы теперь уже сольно исполнять все обязанность курьера, официанта и домработницы самого маститого адвоката в Питере. А может, и в России.

Я до сих пор не верила, что попала в число избранных. Отличная сессия и впечатляющая курсовая обеспечили блестящую возможность и одновременно головную боль. Уже в понедельник меня ждет Бельский. С понедельника можно забыть о развлечениях. С понедельника я буду учиться и работать, если повезет, то иногда спать.

Поэтому уже через полчаса мы с Наташей в ее квартире, и я примеряю платье. Сегодня последний день, когда я могу вселиться. Достаточно простое, но эффектное красное маленькое платье Наташи садится на меня идеально.

Подруга хмурится и говорит:

– Кошмар какой. Оно тебе идет больше, чем мне.

Я тянусь к молнии, полагая, что это намек снимать, но Наташа тут же машет руками.

– Нет-нет, пойдешь так. Ты в нем как куколка, Софик. Сейчас еще немного туши и теней. У Кости нет шансов.

Хихикая, я киваю.

– Ты все еще девственница? – спрашивает Наташа, пока рисует мне глаза.

– Ну да, – отвечаю я тихо.

Хорошо, что мои веки прикрыты, и я не вижу ее. Невинность – не приговор, но мне всегда как-то неудобно, почти стыдно. В свои двадцать лет я имела тесные отношения только с хрестоматиями и учебниками. Я мечтала поступить на юридический, сделать карьеру. Поэтому с личным у меня так себе. Какое-то время мне казалось, что школьный выпускной будет хорошим поводом избавиться от девственности. Потом университетские вечеринки, дни группы… Я вроде не была изгоем-зубрилой, но интереса у однокашников не вызывала. Возможно, нужно было расширить круг знакомств, но на это у меня не было времени. Я училась, а не искала жениха.

Правда, Наташка тоже не искала. На нее Леша свалился сам. И учиться ей теперь не очень хотелось. Так усердно, как мне, конечно. Скорее всего, они с Беловым поженятся, и он позаботится о ее карьере. Устроит куда-нибудь в приличное место или посадит дома рожать детей.

– У Лешкиных родителей наверху три спальни. Одна гостевая. Костик, правда, спрашивал о тебе, – говорит Наташа, продолжая колдовать с тенями.

Я смеюсь, не скрывая неловкости.

– Наверно, это мой последний шанс. После стажировки у Бельского превращусь в ту самую стерву с железными яйцами, и ни один мужчина не отважится ко мне подкатить.

Наташа тоже посмеивается, но потом говорит очень серьёзно:

– Знаешь, необязательно спать с ним только потому, что у тебя в понедельник первый день у Бельского. Но вообще… Я бы не теряла такую возможность. Когда еще случай представится.

Вот-вот. Любовь, отношения, романтика – это все прекрасно, но чушь. В реальности у меня койка в общаге, гранит науки и битва за стажировку. В эти условия сложно втиснуть секс.

Тем более что-то серьезнее. А вот оставаться старой девой мне совсем не хочется. И раз уж Костя обо мне спрашивал…

Я не собираюсь на него вешаться, конечно, но возможность близкого знакомства в гостевой спальне не исключаю.

– Вау, – выдыхаю я, когда Наташа заканчивает, и можно оценить прическу, макияж и наряд в высоком зеркале.

– Да, – кивает она за моей спиной. Но все равно немного пусто и слишком откровенное декольте. Давай узкий шарфик добавим.

– Они были в моде сто лет назад.

Я морщу нос, но тут же жалею о глупом пренебрежении. Наташин шарфик больше похож на длинную плетеную фенечку и идеально заканчивает мой образ.

– Мода – это одно, а стиль – совсем другое. Я его покупала летом в Стамбуле. Но мне не идет. А тебе идеально. Дарю… И платье тоже.

Конечно, я пытаюсь отказаться. Конечно, у меня ничего не выходит. По дороге к поселку я перебираю кисти шарфика, почти ласкаю плетение пальцами. Волнение и предвкушение учащают пульс. Когда мы подъезжаем к дому, я снова потрясенно выдыхаю. Большой просторный коттедж. Два этажа башенки, флюгер, высокий забор и ворота, у которых остановилось такси.

Нас встречает сам Леша. Он распахивает калитку, хватает за руку Наташку, а потом и меня.

– Софико, красота моя ненаглядная, ты приехала! – слишком уж как-то радуется Алексей.

– А ты ждал меня?

– Отчаянно. Ночей не спал. Мечтал о тебе.

– Придурок, – смеюсь я на его кривляние, оглядываясь.

За забором, оказывается, не только дом, но и сад, бассейн, который пока еще закрыт, гараж и флигель. А еще на крыльце курит Костя. Высокий, светловолосый, кажется, симпатичный. Но не настолько, как я помнила. Очевидно, разрыв пошел ему не на пользу.

Из дома вываливается толпа гостей. На самом деле пять. Три девушки и двое парней. Тоже покурить. Они так громко разговаривают и смеются, что создают эффект толпы.

Леша подталкивает нас к дому.

– Знакомиться потом. Пошли веселиться, – зовет он.

По дороге я киваю Косте, потому что он смотрит на меня, не сводя глаз. Едва я поднимаюсь по ступеням, то вижу, как он тушит сигарету и идет за нами. Именно его руки ложатся на мои плечи, чтобы снять пальто.

– Привет, – говорит он чуть нараспев.

Я улыбаюсь и киваю снова.

– Привет.

– Давно не виделись. Как ты?

– Прекрасно.

Мне приходится кричать, потому что музыка такая громкая, а вокруг царит вакханалия. Я словно попала в американскую комедию про студентов.

– Леш, это вечеринка? – спрашиваю я у бойфренда Наташки.

– Вообще – да. А что? Тебе по душе званые обеды и фамильное серебро? Па вернется, я тебя приглашу на такой, Соф. Но не могу дать гарантию, что ты не помрешь со скуки.

– Нормально. Ее приглашаешь! А меня? – картинно оскорбляется Наташка.

– Тебя я люблю и не желаю зла. Даже если ты к нему стремишься, как Сонька.

– Ой, иди ты. Никуда я не стремлюсь.

Я машу на него рукой, поправляя волосы, и вижу в зеркале, что Костя так и стоит, смотрит на меня масленым взглядом.

– Тебе просто нужно выпить, Сонь, – ставит Леша мне диагноз.

И с этим сложно не согласиться. Часа два проходит в бурном веселье. Вернее, в моих бесплодных попытках догнать тех, кто пил с обеда. Очень скоро я понимаю, что не хочу быть невменяемой, и останавливаюсь. В голове вроде бы шумит, и мне весело, но все равно присутствует скованность. Не спасают веселые песни под гитару, которые гости орут хором, не трогают задушевные разговоры на веранде, не возбуждают мимолетные касания Кости.

Последнее расстраивает больше всего.

Странно.

Вот ведь он все тот же. Не так давно я мечтала, чтобы он мне позвонил. А теперь его интерес скорее докучает, чем заводит. Мне все сильнее кажется, что Костю пригласили сюда специально. Особый гость, который должен избавить меня от невинности.

– Значит, ты к Бельскому попала на стажировку? – спрашивает меня Костя. – Леха помог?

– Нет. Куратор из университета поручился. Это вообще еще не стажировка, а конкурс на стажировку. Нас там четверо. Остаться должен только один, – поясняю я.

Костя ржёт.

– Ага, Сергей Александрович троих сожрет, а четвертого оставит мучить. Может, ну его нахрен, детка? – он трет мое колено и думает, что соблазняет. – Брось это все. Давай я тебя к дядьке пристрою?

– А кто у тебя дядька?

– Филимонов, – отвечает Костя.

Я не могу сдержаться и хмурюсь. Филимонов – наш преподаватель. Мерзкий тип, о котором ходит много нехороших слухов.

– Нет, спасибо. Я попробую с Бельским.

Костя смеется, и я дышу через раз, потому что от него слишком сильно пахнет крепким алкоголем и табаком. Мне вроде бы нравился такой запах раньше, но сейчас я предпочитаю его дозировать.

– Ну-ну, попробуй. Ты упрямая, да?

– Не без этого.

Я киваю. Да, упрямая. Целеустремленная. Амбициозная. Умная. Это все обо мне. Хотя последнее сомнительно. Немного же у меня мозгов, если я собираюсь переспать с Костей просто так. Ради самого факта. Но…

– И красивая, – добавляет Костя.

Кивать у меня не выходит, потому что он берет меня за подбородок и целует. Целоваться он умеет, стоит признать. Или я пытаюсь себя убедить в этом. Его ладони почти сразу пробираются под мое платье, и я отстраняюсь.

– Костя, тут же… все, – напоминаю я ему.

Ничего не говоря, он встает и уводит меня к лестнице. Мы снова целуемся между первым и вторым этажом. Костя прерывается сам, тяжело дышит мне в шею и говорит:

– Иди, детка. Последняя дверь по коридору налево. Я сейчас. Через минутку.

Он возвращается обратно в гостиную, а я иду на второй этаж, нахожу спальню и долго стою у окна. Мой ухажер, наверно, блюет в туалете, и мне лучше уйти. Но то ли ночь слишком звездная, и сад слишком красиво подсвечен, то ли я слишком хочу покончить с девственностью и готова даже отдаться пьяному Косте. Который вроде бы хорошо целуется. И это его единственное достоинство.

В этот момент мне отчаянно хочется стать приспособленкой, засунуть в задницу свои мечты о блестящей карьере, забыть, как пахала, чтобы поступить. Намного проще переспать с богатым мажором. Он ведь обещал мне стажировку у Филимонова. Это не так почетно, как у Бельского, но и проблем меньше. А потом, чем черт не шутит, выйду за Костю, рожу ему

детей, буду кататься три раза в год на острова, заведу любовника и фитнес тренера. Или любовника-фитнес-тренера.

Но – нет. Я не ищу лишних путей. Я сильная и независимая. Я все могу сама. Кроме лишения невинности. Для этого все еще нужен мужчина. Боже, как старомодно. Аж тошнит.

В момент, когда я решаю вызвать такси и уехать, открывается дверь. Луч света на мгновение освещает спальню, и я цепенею. На языке вертятся слова. Нужно попрощаться и уйти. Пока я подбираю фразы, которые будут одновременно убедительными и не обидными, комната снова погружается во мрак.

Я слышу шаги и кожей чувствую, как кто-то оказывается за моей спиной. Костя? Вряд ли. От этого человека не пахнет алкоголем и, кажется, он выше. Прежде, чем я оборачиваюсь, Незнакомец закрывает мне рот ладонью. А потом я ощущаю, как по моей шее ползет шарф. Он снимает его и ловко, одной рукой, связывает мои запястья сзади.

Все происходит так быстро, что я не успеваю вздохнуть, запаниковать, забываю, как кричать. Обездвиженная и безмолвная, я совершенно неожиданно осознаю, что возбудилась. Незнакомец целует меня в шею. Его ладонь скользит теперь по моим губам, и он просит хрипло, очень тихо:

– Открой рот.

Я повинуюсь, и его пальцы гладят мои губы, проникают между ними, чтобы влажно заскользить снова. Я не могу сдержать стона и потрясения, начинаю сама посасывать его пальцы. У меня в ушах шумит. То ли от алкоголя, то ли от возбуждения. Мои трусики мокрые. А прикосновения рта незнакомца к моей шее становятся влажными и длинными.

Когда он расстегивает мое платье, я не хочу ничего, кроме его поцелуев. Мне становится плевать на все. Я чувствую себя в его власти. Это пугает и одновременно заводит. Но губы Незнакомца успокаивают. Его запах дурманит. Когда он ведет рукой по моей ноге, пробираясь под платьем, я уже ничего не боюсь, я жду и предвкушаю. Точно знаю, что не скажу ему ни слова. Пусть это случится здесь и сейчас. Уверена, все произойдет намного лучше того, что мне может предложить Костя.

Поцелуи и прикосновения Незнакомца гипнотизируют меня, завораживают. Я вообще не допускаю мысли, что это плохо, порочно, безнравственно позволять первому встречному такое. Наоборот. Все, что он желает – идеально. Как это может быть плохо, если мне так хорошо? Это ведь идеальный первый раз. Не мутные слюнявые поцелуи Кости, не его намеки и усмешки, а чистая страсть, яркое желание, даже потребность подчиниться. Я не вижу лица, не знаю имени, без понятия, кто он и как тут оказался. Но одно точно знаю – мне нравится быть связанной игрушкой в его руках. Нравится, что он контролирует меня, и каждое его движение дарит удовольствие.

– Горячая, – шепчет он, и мягкий баритон – как лучшая на свете музыка для моих ушей.

Ей богу, я бы отдалась ему только за один этот голос с хрипотцой, в котором тоже читается возбуждение, нетерпение.

Незнакомец берет меня за связанные запястья и тянет вверх. Мне приходится нагнуться вперед.

– Все еще хочешь сделать это быстро? – спрашивает он.

Вместо ответа я хнычу, и его это, похоже, устраивает. Он посмеивается, расстегивая лиф моего платья, чтобы освободить грудь, отодвигает ткань и прижимает меня к окну.

Холодное стекло обжигает соски, и я вскрикиваю. Его пальцы тут же оказываются у моих губ. Я читаю его безмолвный мысленный приказ и снова целую их, посасываю.

– Не надо кричать, горячая девочка. Нам не нужны свидетели. Или нужны?

Я мотаю головой, все еще не в силах отвечать словами.

Мой таинственный мужчина прижался пахом к моей попке, давая почувствовать свое возбуждение. И это снова было не противно, не так уж страшно. Он большой. И, наверно, мне будет больно. Но больно будет в любом случае.

Словно издеваясь над моими мыслями о боли, незнакомец забирает у меня пальцы изо рта и проникает ими под трусики. Я прикусываю губу, чтобы не закричать снова. Боже, что же он делает со мной. Оказывается, я вся мокрая. Его пальцы касаются скользкой плоти, надавливают именно там, где мне хочется. Он словно заранее изучил карту моих самых чувствительных мест.

Я ерзаю и постанываю, мои соски трутся о стекло, пока он потирает большим пальцем чуть выше над клитором.

– Нет, не так, – вдруг рычит он и хватает меня поперек живота. – Хочу тебя попробовать.

Он бросает меня на кровать. Я падаю на живот. Сильные уверенные руки берут за бедра и приподнимают. Под грудью у меня оказывается подушка. Все быстро, почти мгновенно. Как будто он каждый день так делает, каждую ночь лишает воли и подчиняет страсти.

Может, и делает, но мне плевать. Сейчас важно только то, что он стягивает с меня трусики и задирает подол платья, чтобы не мешало.

Спустя минуту я кричу в шелковое покрывало, потому что невозможно иначе реагировать на жадный рот, что безжалостно начинает терзать мою припухшую влажную плоть. Он посасывает мой клитор, сдавливает его губами, теребит языком, а потом отстраняется и дует. Я дрожу и покрываюсь мурашками, почти кончаю. Проклятье! От струи воздуха. Разве это возможно?

Похоже, сегодняшняя ночь отменяет все запреты. Я окончательно теряю ориентацию в пространстве и времени. Не помню страха и не хочу думать о последствиях. Я хочу лишь принадлежать ему. Хочу больше удовольствия, которое он мне щедро дарит.

Его язык возвращается, но теперь гуляет от клитора до входа, дразня меня, распаляя, заставляя снова стонать. Я слышу, как он посмеивается. Ему нравятся мои стоны. А мне нравится угождать. Понимание, что все делаю правильно, что он доволен тем, как я откликаюсь, делает меня почти невменяемой. Я испытываю первый оргазм, когда он вводит в меня пальцы, снова лаская языком клитор.

Он прекращает лизать меня, но продолжает двигать пальцами. И внутри сразу начинают закручиваться новые спирали удовольствия. Мне немного больно. Самую каплю, но я почти не замечаю этого. Меня как будто выбросило в Страну чудес. Я нырнула в бесконечную кроличью нору и падаю, падаю, падаю. Падаю не вниз, а вверх, потому что снова почти достигаю пика.

Оргазм так близок, и я знаю, что он будет сильнее первого, но все исчезает. На миг. Я чувствую мощное проникновение и даже закричать не могу, потому что возвращается страх, и боль становится сильной. Я замираю, сжимаясь, каменею, и он мгновенно реагирует. Его тело накрывает меня, как тяжелое горячее одеяло. А губы шепчут мне в ухо:

– Больно, девочка? Ты такая узкая. Я большой для тебя.

Я снова не могу ничего сказать. Он, кажется, не понял, что я девственница и сообщать об этом у меня нет желания. Боль утихает, возвращая мне немного разума. Он подсказывает довериться. Я ведь отдалась этому мужчине не просто так. Он все делал так хорошо. Значит, и сейчас нужно просто позволить продолжать.

– Дыши. Я буду… медленно, аккуратно. Постараюсь…

Он не договаривает. Целует меня за ушком, приподнимается и начинает двигаться. Как и обещал, медленно. Боль превращается в легкое жжение и постепенно сходит на нет. Я слышу тяжелое мужское дыхание и понимаю, что «медленно», «аккуратно» и «постараюсь» ему нелегко даются. Кажется, я возбуждаю его, заставляя терять контроль. Он гладит мою попку, но иногда сжимает ее, вдавливая пальцы.

С меня хватит аккуратности. Я виляю попкой, подаваясь ему навстречу, давая понять, что хочу больше. Он безошибочно и сразу читает мои мысли и движения. Одной рукой снова хватает меня за запястья, а второй фиксирует бедра и начинает врезаться все сильнее и сильнее с каждым выпадом. Я слышу, как он стонет, наши влажные тела соприкасаются с характерными хлопками. Мне снова немного больно, но это даже немного приятно. Ощущения острее и ярче с этой легкой болью. Мой упущенный, потерянный оргазм возвращается. Я встречаю его громкими стонами, которые забываю заглушить, но мой мужчина, кажется, тоже обо всем забыл. Обо всем, кроме нас и нашего удовольствия.

Он продолжает держать мои руки, очевидно, наслаждаясь моей покорной беспомощной позой, а свободной рукой ласкает клитор. Это последняя капля. Я больше не могу и не хочу сдерживаться.

Оргазм сминает меня. Колени едут по покрывалу. Я встречаю последние вспышки удовольствия, распластанная на постели, под самым потрясающим мужчиной на свете. Он кончает вместе со мной. Рычит и ругается, а потом буквально падает на меня, накрывая своим телом.

– Проклятье, девочка. Как же хорошо, – слышу я его прерывистый голос.

Эти слова, сбившееся дыхание и бешеный стук сердца, который я ощущаю спиной, доводят меня до третьего оргазма – душевного. Я удовлетворена не только физически, но и морально.

Глаза закрываются, пока он что-то шепчет, поднимается, развязывает мои руки, разминает их от плеч до кончиков пальцев. Я почти не разбираю слов, но кажется, он хвалит меня, зовет красивой, горячей девочкой. Слышу, как он избавляется от презерватива, запоздало радуясь и снова понимая, что этот мужчина позаботился обо мне во всех возможных смыслах.

Сон почти выключает мое сознание, когда Незнакомец целует меня в плечо, проводит ладонями по спине и, кажется, сейчас захочет узнать мое имя. Но вместо этого я слышу:

– Хотел бы повторить прямо сейчас, но мы договаривались. Поэтому я ухожу. Игра окончена. Спасибо, малышка.

Лязгает пряжка ремня, и через секунду спальня вновь освещается лучом света. Я снова одна в комнате.

Глава 2. Кровь

Сергей

Я выхожу из спальни все еще слегка пьяный. Запах ее духов и возбуждения кружит голову. Я давно отношусь к сексу спокойно. Для меня это потребность, забота о собственном здоровье. Как хорошая тренировка утром, как ароматный кофе в начале рабочего дня. Приятный и полезный ритуал. У меня особые пристрастия. Я не трахаюсь по случаю. Все это скучно и осталось в молодости, которую я встретил на это вечеринке. Пожалуй, немного спонтанности в игре и правда не повредит. Амина сегодня была абсолютно идеальна для меня. Раньше она не умела держать себя в руках, но в этот раз отыграла идеально. Нужно будет как-нибудь повторить.

Или нет?

Этот же сценарий с Незнакомцем она вряд ли захочет играть. А меня особенно завело, что я не видел ее лица, не целовал в губы и не слышал от нее ни слова. Она была такой горячей и отзывчивой, что я едва не настоял на втором раунде, наплевав на договорённость.

Не стоит нарушать правила. Мы встретимся еще раз. Никуда она не денется. Скорее всего, мне уже будет скучно повторять эту игру. Хотя…

Я решил не гадать, а скорее поехать домой. Приглашение Белова, конечно, пришлось кстати, но тусоваться с молодежью как-то совсем уже не мое.

– Сергей, – останавливает меня голос приятеля.

Я оборачиваюсь к Леше. Он выглядит так себе, и вроде не потому, что перепил.

– Уходишь?

– Да, домой пора. Я слишком стар для таких вечеринок, кажется. Спасибо, что позвал.

– Да пожалуйста. Давай я тебя хоть провожу. Такси?

– Я на машине.

Брови помощника моего партнера летят вверх.

– Господи, Бельский! Ты и не пил, что ли?

– Ни капли.

– И не собирался?

– Нет.

Леша хохочет, находя это очень смешным.

– А чего ты приезжал тогда?

– Ты же звал.

– Странный ты, Сергей Саныч.

– Ага, очень. Но до тебя мне все равно далеко. Вроде не пацан уже, а попойка в духе первого курса.

– У меня детская травма, – продолжает кривляться Белов. – Я много учился и пропустил все веселье.

– И вот так нагоняешь?

– Ага.

Теперь и я смеюсь, потому что это и правда занятно. Даже немного завидно. Я тоже учился как сумасшедший. Был буквально одержим юриспруденцией и, в принципе, до сих пор не могу остыть к любимому делу. Может, мне тоже надо? Устроить алкогольный детокс, хорошенько оторваться, пока предки в отпуске.

Тут же понимаю, что это совсем не привлекает. Вот договориться о встрече на вечеринке с девицей, которую толком не знаю – это заводит. Связать ее и трахнуть как следует…

Трясу головой, чтобы не думать о ней снова, потому что у меня снова начинает вставать. Горячая все же Амина. Не зря я рискнул. Но пора и честь знать.

Леша все же провожает меня до машины, хотя я отказался. Он, кажется, чувствует себя виноватым.

– Прости, что не встретил, не развлекал.

– Я сам развлекся, – уверяю его, и это чистая правда.

Думаю, сказать про спальню и простыни, которые нужно поменять, но отказываюсь от этой идеи. Леша сам все знает. Не дитя. Завтра терем его родителей вычистят до блеска сотрудники клининга. И белье уж точно поменяют в гостевой.

– У меня приятель напился и в отрубе. Пока я его из туалета вытащил… – делится Белов подробностями вечеринки.

– Избавь меня от этой душещипательной истории, – прошу я, садясь в машину.

– Слушай, Серег, а подружка твоя приезжала?

– Да, она еще в доме. Думаю, тоже скоро уедет. Такси ей закажи, ладно?

– Без проблем.

– До понедельника, – говорю я и завожу мотор.

Леша, отходя в сторону, почти сразу возвращается в дом, чтобы продолжить гулянку. Я улыбаюсь всю дорогу. Как ни крути, а есть что-то классное в таких попойках. Отвязанное и беспощадно молодое. Я чувствую себя снова студентом, улыбаясь в темноту ночной дороги. А потом снова и снова вспоминаю податливую и покорную Амину. Ее стоны и вздохи, крики, которые она не успевает заглушить, за которые я не смею ее наказывать.

У меня снова стоит, и теперь я не пытаюсь отвлечься от возбуждения. Хочу ее еще раз. Нужно будет назначить встречу через неделю. Или раньше. Давно такого не было. Надо же.

Оставляя машину в боксе, я поднимаюсь в квартиру, хотя всеми мыслями я еще в спальне с моей девочкой. Хочу еще раз почувствовать, как она кончает. Такая тесная, горячая, влажная. Но мне светит сейчас только синтетическое удовольствие, устроенное собственной рукой. Но и это поможет. Хоть ненадолго.

К черту неделю ожидания. Завтра же мы встретимся снова. Я придумал эти правила, я же их и отменю. Скидывая по пути одежду, я спешу в душ. Горячая вода бьет мне по спине. Я упираюсь одной рукой в стенку, второй обхватываю член. На нем засохла ее смазка. Я опускаю глаза и не верю.

Вашу мать! Это не смазка, а кровь.

Почему?

Как?

Разве это возможно?

Я не мог затрахать ее до крови. Секс был достаточно жестким, но у меня член, а не опасная бритва!

Единственное более или менее вменяемое объяснение – месячные.

Амина совсем головой поехала? Мы это не обговаривали, но разве такое нужно упоминать? Это вроде бы очевидно.

Я вспоминаю ее письма и не верю. Но кровь на члене более чем убедительна.

Есть еще один вариант.

Она была невинна.

Предыдущие встречи мы только играли, без проникновения. Об этом ей тоже стоило упомянуть заранее.

Женщины – коварные стервы.

Черт знает что, но понимание, что я мог лишить ее невинности, заводит меня еще сильнее. Я вожу рукой по члену, стирая следы крови самой горячей партнерши, что у меня была. Теперь многое становится ясно. Ее неуверенность, отсутствие инициативы и просьб. Слишком тихая и на все готовая.

Я должен был догадаться?

Нет.

Она хотела?

Очевидно.

Ей понравилось?

Без сомнения.

Прокручивая в голове все нюансы нашей близости, я двигаю ладонью и нарочно оттягиваю разрядку. Оргазм все равно догоняет меня, и я кончаю, вспоминая, какой тесной она была.

Девочка точно должна будет объясниться со мной. И мы повторим. Возможно, не раз.

Я ложусь спать, запрещая себе придумывать, какими будут эти повторения. Стараясь не зацикливаться на мысли, что раньше меня Амина так не возбуждала. И вела она себя иначе? Неужели дело именно в первом опыте?

Утром меня будит сигнал мобильного. Я открываю один глаз, чтобы отключить звук почты, но это мессенджер, Амина. Ее сообщение вмиг заставляет проснуться. Я сажусь на кровати, тру глаза, ощущая странные вибрации. Волнение? Как будто мне опять семнадцать, и я сам гребаный девственник, на которого мельком посмотрела симпатичная одноклассница.

Сережа, прости, вчера не смогла приехать. Буквально перед выходом стало плохо. Хотела предупредить, но перед глазами все плыло. Надеюсь, ты не злишься. Целую.

Остаток воскресенья я мечусь по дому, как тигр в клетке. Сто раз собираюсь позвонить Лешке, но скидываю звонок, не дождавшись гудков. Что я у него спрошу? Хей, приятель, кто из твоих гостей девственница? Я тут трахнул одну нечаянно.

Пытаюсь вспомнить, что на ней было надето. Кажется, платье. Кажется, красное. Не рассмотрел в темноте. Точно был тонкий шарф.

Как это все совпало, черт подери? Я велел Амине приходить в платье и чтобы шарфик был на шее. Она знала, для чего мне понадобится этот аксессуар, а вот та дурочка вряд ли. Почему она не сопротивлялась? Вроде была не пьяная? Я бы заметил.

Проклятье.

Нет, звонить Белову не стал. Может, как-нибудь по случаю расспрошу.

Одно хорошо, я точно никого не насиловал, не заставлял. А ведь чуть не поставил условием кляп. Вот тогда было бы сложнее самого себя оправдать. Рот моей вчерашней незнакомки был свободен почти всегда.

Теперь я припомнил, что она вздрогнула, когда я подошел сзади и накрыл ее губы рукой. Но потом она могла сказать. Могла послать меня к черту, вырваться и убежать, а не сосать мои пальцы, демонстрируя хороший потенциал для минета.

Проклиная в сотый раз все на свете, я снова потащился в душ. Потому что невозможно было не представлять, как она стоит на коленях и отсасывает мне.

Она…

Я не знал ее имени, не видел лица, не слышал голоса. Но каким-то чудесным образом эта девушка умудрилась угодить всем моим темным желаниям. Не зная сценария, она отлично отыграла его. Как? Как, черт подери, такое возможно?

Ответ был прост.

Она не играла, а наслаждалась моим доминированием и своим подчинением. Одна эта мысль заставила меня кончить почти мгновенно. Моя девственница была идеальна для меня, а я – для нее. Она хотела именно такой первый раз, поэтому и не сопротивлялась.

Чистая и невинная, потому что хранила себя достаточно долго.

Порочная и покорная, потому что отдалась незнакомцу в первый раз. И кончила. Дважды.

Вспоминая ее вкус, я тоже пошел на второй круг.

Если не помру от обезвоживания, то завтра моим потенциальным стажерам будет почти легко. Я, наверно, не смогу быть не в духе после такой убойной дозы секса и дрочки.

Не сбылось. Я не выспался, потому под вечер меня осенило – я же кончил в нее. Ко всему прочему добавилась еще и перспектива стать отцом.

Ночью мне снилась моя невинная дива. Она оказалась школьницей, младшей сестрой Алешки, разумеется, забеременела. Ее отец собирался кастрировать меня, а потом протащить по всем инстанциям, включая прессу, и, в конце концов, посадить.

Я просыпаюсь в холодном поту, отчаянно радуясь, что живу в реальности с хмурым питерским небом, бесконечными утренними пробками и запахом свежей выпечки из ближайшей пышечной.

Вхожу в лифт, наслаждаясь одиночеством. Почти всегда приезжаю в офис первым, чтобы спокойно поработать лишний час, но сегодня не тот день. Двери почти закрываются, но их блокирует портфель, а потом и его обладатель протискивается, не дожидаясь, чтобы створки разъехались.

– Привет, – говорит Лешка, ухмыляясь.

Мне становится жарко, но я здороваюсь, как обычно.

– Я решил поработать сегодня побольше. Мы на финиш выходим по делу Самарина, – болтает приятель, как обычно, о работе.

– Да, слышал. Прогноз хороший, да? – уточняю я аккуратно.

– Да, все вроде бы на нашей стороне. Но ты же знаешь.

Киваю. Потому что знаю, наше правосудие умеет удивлять. У Леши первое крупное дело. Ему очень нужна победа для хорошего старта в карьере. Хотя и проигрыши закаляют. Может даже лучше.

– Уверен, все будет отлично. В любом случае, поработать чуть больше обычного – это хорошо.

Леша усмехается, и я читаю в его глазах: “Ох уж этот трудоголик Бельский”. Ну да, я такой.

– А у тебя сегодня стажеры, да? – меняет он тему немного неожиданно.

Меня это настораживает и не зря.

– Да. А что?

– Там девочка будет. Знакомая. Подружка моей Наташки. Ты с ней попробуй…

– Что? – перебиваю я, раздражаясь.

Леша сразу дает заднюю.

– Да ничего особенного, Сереж. Попробуй не перегрызть ей горло до смерти и не всю кровь выпить.

– Ничего не могу обещать.

Я хмурюсь, но, в принципе, доволен. Никаких блатных у меня в помощниках не будет. Леша знает это, и странно, что заикается о своей знакомой. Наверно, и правда волнуется.

Неужели из-за той курицы, которая бросила юрфак после моей стажировки в прошлом году? Так это не я виноват. Она сама оказалась непрофпригодной.

– Как вечеринка, кстати, прошла? Твой друг очнулся? Все выжили?

– Да-да, только на ковер персидский наблевали. Отец еще не видел. Может, не заметит совсем.

– Хорошо бы.

Я смеюсь бессовестно громко, и Леха хмурится, делая вид, что обиделся.

– На этом ты закончил свой запоздалый подростковый бунт?

– Не знаю. Наверно, – отвечает он.

И я точно знаю, что Белов будет чудить еще пару лет. А потом перебесится, женится на своей Наташе и уйдет с головой в работу. Он хоть и придурок, но надежды подает. Может, и зря я его забраковал три года назад. Сейчас бы мне помогал. Но Белов слишком избалован достатком. Ему все подавали на блюдечке. Пусть закаляется без блата не на самых простых делах.

Мы выходим из лифта, и Леша поворачивается в сторону своего кабинета.

– Увидимся, – говорит он.

Я, наконец, решаюсь спросить уже в спину:

– Лех, а у тебя сестра есть?

Он спотыкается и оборачивается.

– Нет, я единственный ребенок.

Камень с души.

– А… Это хорошо.

Леша еще некоторое время удивленно смотрит на меня, кажется, собирается спросить, зачем мне это, но не успевает. Я ухожу к себе, прикрывая дверь.

Мой рабочий день начинается с кофе, но это в мечтах. Обычно я сразу сажусь за стол и погружаюсь в работу, а чашку эспрессо позволяю себе уже ближе к девяти.

– Доброе утро, Сергей Александрович, – слышу я.

Вашу мать, еще даже виндоус не загрузился, а настроение испорчено на весь день. Гребаные стажеры. Я вздыхаю и поднимаю глаза.

Боже, дай мне сил остановиться вовремя и не вцепиться ей в глотку. Я ведь обещал Белову. Или не обещал?

Блондинка в короткой юбке стоит в дверях и держит в руке стакан. Даже с этого расстояния я чувствую, что в ее кофе тонна молока и сахара. С трудом подавляю рвотный рефлекс. Наверно, именно поэтому не сразу отвечаю. А то бы…

Она принимает мое молчание за что угодно, кроме самого молчания, и смело чешет к моему столу.

Боже, дай мне сил.

В нос ударяет резкий сладкий запах парфюма вперемешку с пряным кофе. Хорошо, что я сижу, а то уже свалился бы. Такая аромо-атака подходит пробивной бестии, которая, похоже даже собирается сесть на краешек моего стола.

Но – нет.

Она лишь ставит стакан и лучезарно улыбается вставными зубами. Я сглатываю, невольно пересчитывая весь ее фаянс во рту. Нет, это невозможно. Почему я не нашел время, чтобы лично отобрать претендентов? Оценки в зачетке и курсовые – это еще не все.

– А я вам коооооофе принесла, – растягивает слова девчонка, накручивая локон на палец.

Да, очень секси, детка.

Но – нет.

– Марш отсюда, – командую я, как в армии, разумеется, не сумев сделать голос тихим.

– Что? Куда? Но…

Она искренне удивлена. Конечно, так старалась. Укладка, юбочка, наверно, и бикини накануне выщипала. И кофе – да. Кофе – это же путь к сердцу босса.

– Марш домой, – повторяю я, раздражаясь еще сильнее от ее глуповатого удивления.

А ведь она точно не дура. Я лично изучал все курсовые и эссе, которые они писали, смотрел оценки. Но некоторые девочки все равно считают, что мало быть просто умной. Надо еще и сосать, и кофе носить, и ноги брить.

Нет, надо, конечно. Я не против. Но тот кастинг на секс проходит у меня в личных сообщениях. А на работе мне нужен, мать его, стажер. Хоть вводи правило – брать только парней. Но с моим везением я попаду на гея в первый же год.

– Солнышко, – я выдыхаю, потому что очень хочется опять орать на блондинку, которая решила впасть в ступор, не отходя от моего стола.

Все еще пахнет сахаром и кофе, и это сводит меня с ума.

– Солнышко, ты меня не слышала? Марш домой. Прикрой зад чем-то более похожим на юбку. Тут твое белье никому не интересно. Стакан я отдаю ей обратно. – И избавься от этого дерьма. Ненавижу кофе с молоком.

Она на грани, готова зареветь, но все же берет себя в руки и удаляется. Если хватит смелости вернуться переодетой, я ее даже приму. Пусть покажет что-то кроме жопы.

Она уходит, а я встаю, чтобы открыть окно. Ветер с залива врывается в кабинет, и уже через пять минут я могу нормально дышать. Работы, как всегда, море. Вспоминаю, что так и не посмотрел в воскресенье дело Гусева, а там было много похожих моментов по актуальному разбирательству. Из архива я его тоже не забрал, но в личной папке сохранилось немного заметок. Просматриваю их, понимая, что придется тащиться в архив, и уже начинаю жалеть, что выгнал девицу.

– Здравствуйте, Сергей Александрович, – раздаётся бодрый молодой мужской голос.

Поднимаю голову и вижу свое спасение. Но тут же раздражаюсь, потому что этот тоже не стучал и пришел раньше времени.

Сходить до архива сгодится. Но он поднимает пакет с логотипом пышечной. Я снова пытаюсь не блевануть.

– Вон отсюда, – ору на него, с трудом сдерживаясь, чтобы не запустить пресс-папье.

Парень скрывается за дверью. Наверно, я произвожу впечатление психа, но мне плевать. Я велел им всем четверым прийти к девяти. Сейчас еще и половины восьмого нет. И не надо меня кормить, поить и ублажать. Я просто хочу стажера. Нормального, нетупого, исполнительного. Неужели это так сложно? Почему все пытаются мухлевать?

Третьим номером появляется еще одна девушка. Одета скромнее, но пришла на час раньше, оторвала меня от чтения, чем тоже взбесила. В этот раз я отправил ее не к черту, а все же в архив. Она вернулась с делом и парнишкой на буксире. Сменив гнев на милость, я выгнал их в приемную, показал, какие страницы нужно скопировать, и оставил разбираться с

офисной техникой. Надеюсь, не сломают. Секретарь у меня так и не прижился. Наверно, из-за вздорного характера. Собственно, как и стажеры не задерживались из-за оного.

Равно в девять я снова отвлекаюсь. Стук в дверь. Поднимаю глаза на дверь, готовясь к новоприбывшему претенденту на место стажера, но никто не вошел. Лишь еще раз постучали.

Удивительно. Кто там такой воспитанный?

– Войдите, – кричу я, окончательно заинтригованный.

Дверь открывается, и входит девушка. Серая, как моя жизнь. Мышиного цвета брюки и белая рубашка, застегнутая под горло. Волосы убраны, можно сказать, зализаны, что я не сразу понимаю, какого они цвета. Точно темные. Зачем я вообще ее рассматриваю?

Но уже поздно, потому что рассмотрел. И миленькое личико, почти без косметики, и узкие запястья в плену манжет рубашки, хрупкая фигурка и вздёрнутый нос. Прямой открытый взгляд. Типичная юная карьеристка.

– Доброе утро, Сергей Александрович. Меня зовут София Семенова. Я претендент на место стажера.

Отстраненный деловой тон без запинки подтверждает мой диагноз. Вот этот человек пришел сюда учиться и работать, а не кофе подавать. Девушка пересекает кабинет, и я сам встаю ей навстречу. Потому что как-то неудобно оставаться козлом, когда она вся такая воспитанная и собранная.

Выхожу из-за стола, а она уже протягивает мне руку, и я пожимаю ее маленькую ладонь. За мгновение нашего контакта я словно вспоминаю ее кожу, ее ладонь. Тут же выкидываю эту глупость из головы, но странное ощущение дежавю остается.

– Здравствуйте, Софья, – говорю я так же приветливо, но сдержанно, как и она.

Меня тут же поправляют.

– София. Софья и София – совершенно разные имена.

Мои брови взлетают вверх. Раздражение возвращается моментально.

– Полагаете, мне есть дело до вашего имени?

– Полагаю, что нет. Можете звать меня просто Соня, – отвечает она, пожимая плечами.

– Спасибо, Соня. Мне сразу стало легче.

Она понимает, что я издеваюсь, и отвечает так же с сарказмом.

– Пожалуйста, Сергей Александрович.

Я меняю гнев на милость, решив провести тест-драйв.

– Свари мне кофе для начала. Кофемашина в приемной.

– Какой кофе вы предпочитаете?

– Чёрный без сахара.

– Крепкий?

– Да, двойной эспрессо, не разбавляй. И захвати то, что накопировали твои соратники.

Она кивает и уходит. Я замечаю на ее губах легкую улыбку триумфа. Лишь на миг. И мне нравится, что она не будет выпячивать превосходство, хотя я очно буду ее выделять. Уже выделил. Первое впечатление самое верное. Я всегда доверяю интуиции.

И мне плевать, как это будет выглядеть. У других претендентов шансы тоже остаются. Но Софии придется постараться, чтобы разочаровать меня.

Глава 3. Проверка

Соня

Я проспала. Наверно, впервые в своей жизни. Всю ночь мне снились поцелуи и горячие ласки незнакомца. Он снова пришел ко мне, снова свел с ума, едва прикоснулся. На мне не было теперь пут, но я все равно подчинялась ему. Ведь сила не в веревках, сила внутри него. Ее невозможно игнорировать. Ей невозможно не подчиниться. Это ведь так приятно.

В ночь, когда я лишилась невинности, оставаться в доме Леши не хотелось. Я вызвала такси, как только пришла в себя. Даже не попрощалась с друзьями. Но они были заняты и без меня. Девчонки танцевали на столе, а парни обливали их шампанским. На диване валялся в отключке Костя. Слава богу, что он вырубился и не дошел до второго этажа. Наверно, мой незнакомец был одним из гостей. Выяснять, кто именно, я, конечно, не стала. Мне не было стыдно, но и личное знакомство с повторением я себе плохо представляла.

По дороге домой, ерзая из-за все еще мокрых трусиков, я поняла – он в меня кончил. Это было так естественно во время секса, но сейчас превращало мою жизнь в катастрофу.

А если я забеременею? А если заражусь чем-то?

Я долго стою под душем, тщательно смывая с себя запах незнакомца. Ужасно, но мне жаль прощаться вот так с ним.

Я спала как убитая, без сновидений. Но в воскресенье меня снова и снова терзали воспоминания, от которых сладко ныло внизу живота. Разум велел действовать быстро и радикально, но все, что я смогла – это купить тест. Месячные должны быть через неделю. Я не должна забеременеть.

Мне нужно было готовиться к первой встрече с Бельским, а я вместо этого витала в облаках и дважды довела себя до оргазма. Соседка уехала на выходные, и я могла не стесняться. Меня так размазало от всего происшедшего накануне, что мысли о бое за потенциальную стажировку вообще не гостили в голове. Я помнила, что у Бельского сейчас несколько дел. Скорее всего, он даст нам административную тяжбу, скучное и долгое дело. Мне нужно было хорошо повторить некоторые пункты в законах, но желания не было совершенно. Я так и валяла дурака до вечера, а потом просто завалилась спать. И проспала.

Я думала поехать раньше, зная, что Бельский начинает работу в семь. Об этом точно знали и остальные претенденты. Мила, моя соседка по комнате и одногруппница, точно отправилась в офис прямо с вокзала. Она тоже мечтала об этом месте и не скрывала, что вся наша дружба закончится в офисе Сергея Александровича. Наверно, надо было тоже вскочить чуть свет, взять кофе для потенциального шефа, обогнать всех еще на старте. Но ночные грезы никак меня не отпускали, а потом я сама себя уговорила, что не обязана обслуживать Бельского.

Нет, я не против сварить кофе или съездить по поручению, но лебезить и стелиться ковриком не буду. Пусть берет меня за профессионализм и исполнительность. А если он ищет служанку или шлюху – это не ко мне.

Я сглотнула, снова вспоминая субботнюю ночь. Отдалась я не пойми кому, как истинная шлюшка, хотя грязной себя при этом не чувствовала. А Бельскому и тем более не нужно знать обо мне ничего такого. Я даже Наташе ничего не сказала, хотя она заметила мое исчезновение

и звонила узнать, почему я так внезапно уехала. Пришлось врать, конечно, что устала и выпила лишнего, но правду говорить мне не хотелось.

Оказавшись в приемной Бельского, я сразу замечаю Милу. Она белая, как листы бумаги, которую загружает в сканер.

– Соня, – шепчет она сухими губами, едва сдерживая слезы. – Ты так поздно?

Я смотрю на часы, которые висят на стене. Почти девять. Жму плечами.

– У меня еще две минуты. Нам ведь назначили на это время.

– Но Бельский всегда приходит раньше, – парирует Гена, который выглядит не лучше Милы.

– И вы пришли к семи?

– Да. А Алла еще раньше. Она в слезах убежала домой. Я ее у лифта встретил.

– Бельский дал задание?

Я немного переживаю, но не показываю вида.

– Это не задание, а издевательство, – бормочет Мила. – Копировать страницы. Разве это практика? Я думала…

Что она думала, мне неинтересно, потому что на часах ровно девять, и это последний мой шанс оказаться вовремя перед грозным начальником. Страх, что он просто выгонит меня, стягивает горло тугими ремнями. Аллу Гончарову, которая была уверена, что место стажера ее априори, отправил первой. Уверена, даже не поинтересовался, кто ее родители.

Репутация Бельского оправдывает себя на сто процентов. Но мне уже все равно. Я хочу здесь работать и буду бороться.

Голос, которым Бельский позволяет мне войти, похож на рычание, но я смело шагаю в логово льва. Насмерть не разорвет, потому что статья. Это предает мне смелости.

Но первый же взгляд на Сергея Александровича делает мои колени мягкими. Я чуть приседаю, не готовая выдержать достойно взгляд ярких синих глаз. Он, кажется, не замечает моего замешательства, и я быстро приветствую его, представляюсь и пересекаю кабинет, чтобы предложить рукопожатие.

Он встает из-за стола, и мне снова дурно, но я дышу и делаю вид, что собрана и серьезна.

Боже, он потрясающий. Я видела Бельского на фото и по телевизору, но камера не передает харизмы, которая буквально хлещет из него, сминает сразу и беспощадно. Взгляд, голос, движения. Он сильный и уверенный в себе, сдержанный, но почему-то при этом я точно знаю, что страстный.

Мы обмениваемся банальными фразами, он держит мою руку на долю секунды дольше положенного приличиями, осматривает меня с интересом, говорит кратко и по делу.

Я представляю, как он выступает в суде, и мне становится жарко. Неужели мне повезет и я увижу его на заседании? Боже, дай мне сил.

Бельский просит сделать ему кофе, и я радуюсь, что у меня есть передышка. Ворот рубашки давит, душит, но я не решаюсь расстегнуть пуговицу, возвращаюсь в приемную, иду к кофемашине, пытаясь убедить себя, что мой восторг исключительно профессиональный. Я фанатела по Бельскому еще со школы, когда на всю страну гремело выигранное им дело об опеке над девочкой, которую отец-француз не отдавал бывшей жене в Россию.

Мои подружки обожали **OneRepublic**, а я сходила с ума по адвокату. Это было моей мечтой – работать у Бельского. Хоть одним глазком увидеть его в деле. И, кажется, даже моя первая ночь не разрушит эту мечту. Секс теперь тоже стал интересен, но всему свое время. Сейчас кофе. Черный без сахара. Мужской и суровый, как Сергей Александрович.

– Он не орал на тебя, – то ли спросил, то ли констатировал Гена, продолжая возиться с копиром.

– Нет. Попросил кофе сделать.

– И за опознание не упрекнул? – вторила Генке Мила.

– Так я и не опоздала.

Гена и Мила смотрят на меня как на врага народа, хотя я ничего не сделала. Лишнего. Пришла, как просили, исполняю, что велят. Они вроде бы тоже делом заняты. Вроде бы даже важнее моего, потому что у них в руках папка с каким-то делом. Меня Бельский даже в известность не поставил об этом. Только кофе.

Я молча разбираюсь с кофемашиной. Она похожа на ту, которая была в кофейне, где я подрабатывала летом. Как любой неблатной студент, мне хочется чуть больше денег на карманные расходы. Кто бы мог подумать, что опыт за стойкой пригодится в офисе Бельского.

Мимолетом вспоминаю, что где-то здесь сейчас Лешка, было бы здорово увидеться, но, неуместно, разумеется.

Не успеваю сделать кофе, как Сергей Александрович выходит из кабинета. Мне снова душно и тяжело дышать. Я жду нагоняй за медлительность, но шеф не обращает на меня внимание. Это тоже немного расстраивает. Я сама себя раздражаю этими противоречиями.

Соберись уже, тряпка.

– Бумаги, – рычит снова Бельский, обращаясь к Миле и Гене.

Он садится на диван в приемной и рассматривает то, что ему вручили, а потом трясет головой.

– Нет, все не то.

Бельский бросает бумаги на стол, который, видимо, когда-то принадлежал секретарю. Все знают, что вздорный нрав Сергея Александровича не в силах вынести ни один помощник. И мы трое тут стоим, как у стены перед расстрелом. Я оборачиваюсь к кофемашине, которая пищит о готовности эспрессо, наливаю в чашку и подаю шефу.

Он выпивает залпом горячий, не морщась.

– Найдите дела Гундарева и Фролова. Там должно быть больше о праве наследования и обжаловании спустя несколько лет. Неужели сразу нельзя было заметить? Здесь все о вступлении по факту.

Я стою как неприкаянная, не имя понятия, нужно мне тоже заниматься этими поисками или это задание только для Милы и Гены. Бельский обращается ко мне лично, развеивая это непонимание.

– София, со мной к нотариусу поедешь. Есть права?

– Права? – повторяю я эхом, снова не понимая. – Какие?

Бельский поднимает глаза к небу.

– Гражданские, политические, культурные и социально-экономические, – раздражённо скороговоркой говорит он.

Мы все чуть приседаем, потому что он явно раздражается из-за моего неумного уточнения. Кажется, сейчас будет орать.

– Водительские права, Соня! Машину умеешь водить? – разжёвывает он мне недалекой все же нормальным тоном.

– Умею, пищу я как мышка.

А сердце так и колотится о гланды.

Бельский уходит к себе снова, но дверь не закрывает, я слышу, как он одевается. Мила с Геной смотрят глазами бешеных псов, которые вцепятся в мое горло, едва лев отвернется. Я не обращаю на это внимание, потому что все мысли только об авто Бельского. Это страшнее зависти конкурентов.

Он же не собирается посадить меня за руль? Какая у него машина? Я ведь не самый уверенный автомобилист. Дома на каникулах много катаюсь на папиной машине, но там ведь не столичное безумное движение.

Отказаться нельзя. Да и какой смысл отказываться? Чтобы перебирать пыльные тома в архиве? Нееет, надо пользоваться удачей. Бельский снова в приемной. На нем пальто, в руке портфель. Он зачесывает назад волосы рукой, достает из кармана ключи и кидает мне. Я ловлю, хватаю свою куртку и мчусь за ним. По дороге рассматриваю брелок, нахожу нужные кнопки и значок ауди. Не самая дорогая машина, но, наверно, меня на органы всю продать, а равно не хватит, если стукну. Но я ведь не стукну! Нужно мыслить позитивно.

Все складывается идеально. Я в фаворе у Бельского, еду с ним по рабочим вопросам, а не остаюсь копаться в архиве. Можно только представить, сколько папок переберут ребята. Это совсем не вдохновляет.

Едва я вижу машину Бельского, то начинаю вибрировать. Это ауди, да, но какая-то особенная. Видимо, ограниченная серия. Наверно, стоит не меньше порша, а может, и больше. Я пытаюсь не паниковать. Коробка-автомат, слава богу. Это хорошо. Бельский садится назад и там то листает бумаги, то отвечает на звонки, то пишет что-то в телефоне или нетбуке. Я стараюсь не обращать на него внимания, сосредотачиваясь на дороге. Правда, сложно игнорировать безумно удобное кресло и шустрый движок, но я стараюсь не экспериментировать, веду аккуратно, ровно.

У нотариуса Бельский уточняет дату вступления в наследство и всех, кто был упомянут в завещании. Я держу его портфель, чувствуя себя вешалкой, но глаз не могу оторвать от Сергея Александровича. Каждое его движение, каждое слово вызывают у меня щенячий восторг. Еще немного, и я вывалю язык, чтобы шумно и радостно дышать. То, как он говорит, поправляет галстук или волосы, поворачивает голову, все идеально. Я испытываю как-то благоговейный трепет, невольно ощущая возбуждение не только моральное, но и сексуальное.

Наверно, невозможно не реагировать на этого мужчину иначе. Я стараюсь держать себя и его портфель в руках крепко. Уронить вещи Бельского или свое достоинство – непонятно, что ужаснее.

После нотариуса мы едем в суд. Бельский теперь сидит рядом со мной и внимательно следит за дорогой и моими действиями. Это даже хуже, чем экзамен по вождению, но одновременно и лучше. Наверно, я извращенка, потому что его внимательное наблюдение не раздражает, а заводит. Все еще чувствую азарт соревнования. Пускай мои соперники остались в офисе, но сейчас мне нужно обыграть саму себя, чтобы не ударить в грязь лицом.

В суде Бельский пробыл от силы минут десять. Пять из которых ему бессовестно строила глазки помощница судьи. Наверно, он так действует на всех женщин. Но я хоть не показывала своего восхищения так открыто. Или у меня тоже все написано на лице?

Вряд ли.

– София, портфель, – требует Бельский, кивая на стул, где оставил вещи, и я выхожу из ступора.

Протягивая ему портфель, нечаянно касаюсь пальцев Сергея Александровича, вздрагиваю. Такое уже было, когда мы обменивались рукопожатием утром. Словно удар током. Я едва сдерживаюсь, чтобы не вздрогнуть, и на миг встречаюсь с Бельским взглядом. Отвожу глаза, но понимаю, что он смотрит на меня чуть дольше, чем положено, и оборачивается теперь к помощнице неохотно. Его улыбка кажется мне фальшивой, а любезный тон более деловым, без доли флирта.

Я приказываю себе успокоиться, отключаю все эмоции. Мне повезло сегодня, нельзя это испортить глупыми домыслами и эмоциями. И уж точно я не должна поддаваться холеному обаянию Бельского. Сколько слухов ходит о его уволенных помощницах и секретаршах, которые не могли держать себя в трусах. Я же не такая.

Я вообще девственница.

Ну, почти.

Ладно. Уже – нет. Но мои мысли все еще об учебе и карьере.

Повернув голову, я увидела себя в мутном отражении стеклянного шкафа. Серые брюки, белая рубашка, хвостик на макушке. Это я, настоящая. Пора очнуться и забыть про субботу, про горячего незнакомца, про красное платье. Оно, кажется, впиталось в меня, разбудив похоть и страсть. Это все неуместно и глупо. Я София Семенова. Мне нужна стажировка у Бельского. Больше ничего.

С таким настроением я изо всех сил стараюсь продолжить этот важный день. Бельский теперь вообще едва ли замечает меня. Я бегу за ним по коридору, по парковке, храня молчание, как немая. Похоже, это устраивает Сергея Александровича. Мы возвращаемся в офис к обеду. Я снова семеню за начальником, пока он идет через холл широкими шагами. Мы ждем лифт, и двери, наконец, открываются, но в этот же момент подходит группа клерков. Они шумно обсуждают утреннее падение на рынке и так стремительно заходят в прибывший лифт, что меня почти вносит волной и вжимает в Бельского. Я охаю от неожиданности. Вместе с воздухом из моего рта вырывается стон. Потому что Сергей Александрович пахнет так странно знакомо. Я касаюсь носом воротника его рубашки и нюхаю еще раз. Как собака.

Господи, ну что же со мной?

Какая разница, как он пахнет. Нельзя сейчас вспоминать, откуда я знаю этот аромат. Сергей Александрович хмурится и смотрит на меня сверху вниз очень сердито.

– Простите, – шепчу я, пытаясь отодвинуться от него и одновременно не прижиматься к брокеру, который продолжает говорить своим коллегам что-то о нефти и Доу Джонсе.

Бельский берет меня за плечи и перемещает в угол, упираясь руками в перила, таким образом защищая от толпы мужчин. Но сам он нависает надо мной, как дамоклов меч. Мы едем наверх, не отводя глаз друг от друга. Я все пытаюсь что-то сказать, но слова застревают в горле, а язык присох к небу. Это чертовски странно. Если остальные мои действия Бельский еще мог списать на случайность и недоразумения, то сейчас между нами точно что-то происходит. И ему это не нравится.

Я едва жива, когда толпа попутчиков выходит, заставляю себя дышать. Бельский тоже отстраняется и смотрит на мигающие цифры. Он молчит, и это сводит с ума. Двери открываются на этаже юридической конторы, и Сергей Александрович как крейсер идет к своему кабинету. В приемной пьют кофе Гена и Мила.

– Три минуты готовность, – бросает Бельский и закрывает дверь кабинета.

Я остаюсь с ребятами снаружи, и это ранит. Почему-то.

– Готовность к чему? – спрашивает Гена.

Мила смотрит почему-то на меня. Пожимаю плечами.

– А что вы должны были сделать?

Они переглядываются и начинают копаться в листах бумаги. Видимо, те самые дела, которые просил изучить Бельский.

– София, закажи столик на завтра на двоих в «Рыбе», на пять тридцать на мое имя, – звучит голос Сергея Александровича через селектор.

Я подскакиваю от неожиданности и быстро киваю.

За три минуты нахожу телефон ресторана, но звонить не решаюсь. И правильно. Бельский выходит из кабинета, направляется к кофемашине. Колдуя над кофе, он спрашивает нас, не поворачиваясь:

– Кто имеет право оспорить завещание?

Мила и Гена снова переглядываются. Они же не думают, что Бельский говорит сам с собою? Тогда почему молчат? Я знаю правильный ответ и говорю, не дожидаясь, когда остальные созреют.

– Завещание могут оспорить те, чьи права в нем нарушены. Такими лицами являются законные наследники, то есть люди, которым досталось бы наследство в случае отсутствия завещания. Это наследники первой очереди: супруги, родители, дети. Если их нет, то наследники второй очереди: братья, сестры, дедушки и бабушки.

– Верно, София, – хвалит меня Бельский, оборачиваясь, пока ему в чашку капает эспрессо. – Кто еще в этой комнате учится на юридическом?

Сарказм в голосе зашкаливает. Он сморит на Гену и Милу как будто с надеждой, которая тает с каждой минутой. Мне вроде бы становится неудобно за правильный ответ, чувствую себя выскочкой, но это почти сразу проходит. Я не обязана быть тупее остальных. Пусть дальше стоят и хлопают глазами.

– Случаи, когда завещание можно попытаться признать недействительным.

Бельский смотрит на Гену в упор, а тот так и молчит. Но едва Сергей Александрович разочаровано выдыхает и отворачивается к кофемашине, оживает Мила.

– Признать завещание ничтожным и отменить сделанные в нем распоряжения можно на основании ошибок в оформлении. Если документ не удостоверен нотариусом, как того требует закон, нет подписи завещателя и свидетелей, – почти выкрикивает она. – И если есть сомнения в собственноручном написании и подписании завещателем закрытого завещания.

Бельский кивает, но потом требует:

– Еще.

И снова смотрит на Гену, но тот все еще в ступоре и нем как рыба.

А я опять лезу с дополнениями, просто потому что знаю.

– Оспорить завещание можно также и в случае, если потенциальный наследник может предоставить факты, подтверждающие, что в момент подписания завещатель не понимал происходящего или не мог отвечать в полной мере за свои действия. Если завещатель находился под влиянием алкоголя, наркотиков, психотропных веществ, каких-либо лекарств. Если страдал психическим заболеванием, старческим слабоумием или подписал под влиянием угроз, психологического давления, шантажа. Если хоть один из этих пунктов имел место, то, соответственно, завещание не отражает реальной воли завещателя.

– Еще. Один пункт не перечислила, -лично мне говорит Бельский.

Я тут же вспоминаю.

–Да. Если наследниками объявлены недостойные лица.

– Спасибо, София, – кивает Сергей Александрович. – Исчерпывающе теперь.

Я не понимаю, доволен он или осуждает меня как выскочку. Разобраться нет возможности и времени, потому что Бельский тут же дает задание.

– Недостойные лица при наследовании. Этическая и законная сторона вопроса. Мне нужно эссе на десять тысяч знаков минимум. От каждого к среде. Сегодня свободны. Завтра и далее жду к трем часам дня. Ту блондинку тоже предупредите, пусть приходит. – Он смеется и добавляет : – Только пусть приходит одетая.

Мила и Гена кивают, собирая вещи.

– София, ресторан все еще с тебя, – напоминает Бельский.

Я киваю и показываю на телефон, с которого как раз собиралась заказать стол. У босса звонит мобильный, и он выходит из кабинета, вообще ни слова мне не сказав, не попрощавшись с ребятами. Редкий хам, конечно. Но даже его бессовестная спина идеальна.

Заказываю столик в Рыбе, называю фамилию босса. Меня просят уточнить меню, чтобы все было готово ко времени. Бельского там, судя по всему, знают. Я обещаю уточнить и перезвонить. Мой уход, соответственно, откладывается. Дверь в кабинет открыта, и я решаю подождать там, заодно внимательнее рассматриваю рабочее место лучшего адвоката Питера. Но меня настигает разочарование. Ничего особенного. Телефон, ноутбук, несколько папок с делами. Я смотрю внимательнее и понимаю, что это тоже тяжбы по наследству. Не самые приятные дела. Долгие и тягомотные, неинтересные, но очень доходные для юристов.

На столе ни одной фотографии, нет заметок или блокнота, не валяются ручки. Все сложено аккуратно по краям. Дотошный и аккуратный. Не скажу, что для меня это новость. Кажется, другим Бельский быть не может. Идеальный во всем.

Невольно думаю, таков ли он и в сексе. У меня ничтожный опыт, но мой незнакомец был идеальным. Вряд ли Сергей Александрович таков. Самодовольный нарцисс и самодур. Такие обычно и в постели думают только о собственном удовольствии.

Я отхожу от стола и встаю у окна. Потрясающий вид на Петербург. Дух захватывает. Обнимаю себя за плечи, смотрю на город, пытаясь не представлять, как сзади меня вырастает мужчина, берет за руки…

– Оу..

Я вздрагиваю, потому что меня кто-то касается сзади.

– Специально осталась? – слышу я голос Бельского. – Специально? Скажи.

Мои руки падают вдоль тела. Я теряю голос, не зная, что ответить. Может, это какой-то вирус, и Гена молчал не потому что волновался или не знал ответа на вопрос о наследстве.

Бельский разворачивает меня к себе лицом. Он смотрит так, что я продолжаю молчать. Как будто он за эти три секунды приговорил меня к смертной казни, обвинив во всех грехах.

Он подхватывает меня под попу и сажает на стол. Я все еще моргаю и молчу, только губы облизываю. Бельский берет меня за запястья, поднимает мои руки, и это так знакомо, так сладко и порочно, что я позволяю ему. Позволяю все.

Почему мое тело подчиняется? Я теперь каждому мужчине буду позволять все, что он пожелает?

Пока я борюсь с собой, Сергей Александрович укладывает меня на стол, нависает сверху. До меня, наконец, доходит весь абсурд ситуации. Середина дня, офис, стол, открытая дверь. Это какая-то дикость. Я, наконец, начинаю дергаться и вырываться. Но даже в этом жалком сопротивлении есть что-то приятное. Потому что я умудряюсь потереться о пах Бельского и понимаю, что он возбужден. О, да, у него стоит. Но я точно не буду помогать с этим.

Я, наконец, обретаю дар речи и спрашиваю:

– Сергей Александрович, это проверка?

Он мигом отпускает меня. Я дрожу, понимая, что под ним на столе мне было удобнее и приятнее, но сейчас почти могу читать его мысли. Если позволю, он меня, конечно, трахнет. Не исключено даже, что это будет здорово, но больше мы не увидимся.

Бельский тянет меня за руку, чтобы стащить со стола.

Я торжествую, решая, что все сделала правильно, но Сергей Александрович быстро стирает улыбку торжества с моего лица.

– Вон, – говорит он едва слышно.

Я не верю своим ушам и собираюсь оправдываться, открываю рот, но…

– Вон отсюда! – орет Бельский.
Теперь я не собираюсь задерживаться и слушать в третий раз, как он меня прогоняет.

Горло сдавливает паникой и обидой, у меня только одна дорога. Я хватаю в приемной куртку и мчусь прочь. К лифту, потом через холл к выходу, к метро. Меня душат слезы, но я не плачу, только хватаю воздух ртом, понимая, что мои мечты разбились о банальную похоть звёздного адвоката.

Не говоря ни слова, я врываюсь в комнату, скидываю одежду и падаю в кровать, укрываясь с головой одеялом. Но даже отвернувшись к стене, знаю, что Мила смотрит мне в затылок и ухмыляется. Потому что я оказалась ничем не лучше, чем она, Алла или Гена. Всех нас Бельский считает никчемными и бестолковыми.

Но если Генке, Миле и даже Алле разрешили прийти завтра, но мне лучше не показываться Сергею Александровичу на глаза.

Глава 4. Спасибо

Сергей

Сидя в машине около общежития, я понимаю, что не просто дал маху, а дискредитировал себя как профессионал, как наставник, как человек. Во всех проклятых смыслах. Я ведь приехал, чтобы уволить ее. Вернее, чтобы отказать в должности стажера. Софии, которая весь день была идеальным помощником.

Сижу в машине у ее общаги. Представляю, как буду отказывать на глазах у изумленных соседей-студентов. Это просто бредово.

Что на меня нашло?

Почему я набросился на нее? В кабинете, среди бела дня. Я знаю ответ, но нет сил себе признаться. Вот избавиться от нее могу. Это просто, но совесть не позволяет, и я продолжаю сидеть в машине и копаться в себе.

У меня есть ответы, но поверить в них сложно.

Разумеется, София не виновата, что я много думал о незнакомке с вечеринки. Разумеется, София не знала что, увидев ее у окна, я мысленно нарядил ее в алое платье, приглушил свет и принял за ту самую девушку. Разумеется, она растерялась, поэтому и не сопротивлялась сначала.

А потом она напомнила мне ее еще сильнее, и я потерял разум.

После такого только уволить. Чтобы не видеть ее больше, не путать, не вспоминать.

Разум настаивает на увольнении, но совесть против. Я продолжаю сидеть, уговаривая себя, договариваясь с самим собой. Ее личное дело на заднем сидении. Я знаю, что она подходит лучше других. Еще утром я был стопроцентно уверен, что возьму Семенову на стажировку. Сейчас – нет.

Всему виной я сам.

Смогу ли забрать у девчонки этот шанс? Шанс, которого она не просто достойна, а заслужила.

Слишком много сложных решений последнее время. Дело о наследстве Бергмана, этот загадочный секс на вечеринке, теперь вот стажерка, которая похожа на ту самую. Или не похожа?

Я загребаю пальцами волосы, словно пытаюсь заставить работать мозги. И тут из общежития выходит сама Соня. Она выглядит иначе, но я сразу узнаю ее хрупкую фигуру, темные волосы и синюю куртку.

Выскакиваю из машины, зову Соню. Софией язык не поворачивается ее назвать. В этих джинсах, кроссовках и с мягкой косой вместо тугого хвоста она больше не похожа на бесполую зубрилу. А лучше бы была. Мысли об увольнении в моей голове больше нет. Не смогу я ее уволить. Не хочу я ее увольнять. Не имею права потакать своим слабостям.

Соня разрешает мне сходить с ней в кофейню, и я рад, что мы поговорим в общественном месте. Кажется, она хотела сесть за руль, как и утром, но я успел перервать рвение и усадил на пассажирское. Нужно было как-то начать, но слова не шли с языка. Поразительно. Я всегда знал, что сказать. Не просто ляпнуть, а достойно ответить или начать разговор с наводящей фразы, а тут совершенно растерялся.

Прости, Соня, что хотел трахнуть тебя на столе?

Ну так себе подбор слов.

Она тоже молчит, не собираясь мне помогать. Не виню ее за это.

Мы входим в кофейню, и я оставляю ее за столом, сам иду за напитками. Бариста подсказывает, что она любит ванильный латте.

Я возвращаюсь за стол и кое-как общими фразами пытаюсь извиниться. Почему-то опять называю ее Софией, хотя сейчас она точно Соня. Мы общаемся неформально, но напряжение присутствует. Наконец, я решаю себе просто быть с ней откровенным.

– Я хочу оставить тебя стажером на лето и, возможно, потом на постоянной основе, – честно говорю я и вижу, как она расцветает. С преподавателями договорюсь. Будет свободное посещение лекций и много практики.

– Правда?

Огромные глаза сияют триумфом, словно я исполнил ее мечты. Возможно, так и есть.

– Да, правда. Я оставляю остальных до сессии только потому, что они прошли конкурс. Было бы нечестно лишить их возможности. Даже в небольшой дозе это полезно. Если ты откажешься от места стажера, я останусь без помощника.

– Я не могу отказаться, – шепчет она, кусая губы.

– Знаю. Ты будешь терпеть многое ради места. Да, Соня? Даже мои домогательства.

Она смотрит на меня прямо и открыто, а потом смело спрашивает:

– А Вы будете меня домогаться?

Неожиданно вся эта ситуация становится смешной до абсурда. Я ехал уволить ее, а в итоге мы обсуждаем херасмент.

– Постараюсь держать себя в руках.

Она хихикает, и я тоже улыбаюсь. Мы пьем кофе, и я сам себя опять удивляю, говоря:

– Ты очень похожа на меня. Собранная, серьезная.

– Откуда Вы знаете? – шепчет она, недоверчиво глядя.

– Разбираюсь в людях. К тому же, я читал твое личное дело.

– Разве это не закрытая информация?

– Уже нет.

Соня щурится, и меня веселит ее раздражение.

– Сергей Александрович, Вы же понимаете, что остальные претенденты будут разочарованы?

– Это их проблемы. Советую думать о себе, Соня. Только так ты сможешь построить карьеру. Если выдержишь темп и справишься с нагрузкой, то диплом будешь писать параллельно с судебной практикой. Хочешь?

Чувствую себя змеем-искусителем, потому что ее глаза горят от подобных перспектив. Конечно, она хочет. Кто бы не хотел? Но такие возможности открываются только своим. Для Сони путь к адвокатуре был бы долгим. Но однажды мне повезло, и сейчас я сделаю так, что повезет ей. Главное, не трахать девчонку. Учить, наставлять, загружать, но не трахать.

Поразительно. У меня не было ни одного служебного романа, а теперь я волнуюсь, что увлекусь практиканткой. Чем тут увлекаться. Мышка мышкой. Ну исполнительная, ну не дергалась, когда я ее уложил. Это же не повод…

Или повод?

Вспомнив, как она вытянулась на столе, как держал над головой ее руки, снова стал возбуждаться. Стоп-стоп-стоп. Хватит. Надо закачивать. Кажется, мы обсудили все самое важное.

– Поехали.

Я допиваю залпом кофе, встаю, она тоже поднимается за мной следом.

Мы едем опять молча. Я борюсь с собственным членом, она пытается не смотреть на меня, но я все равно замечаю, что косится.

– Завтра встречаемся в Октябрьском суде. Без четверти девять жди меня на проходной. Пропуск будет готов, сразу пойдём на заседание.

– У Вас завтра заседание?

Глаза так и горят. Вот такое возбуждение должно быть, Бельский, а не то дерьмо, что у тебя в штанах творится. Поучись у девочки-студентки. Очень полезно.

– Да, завтра заседание. А что? Ты занята?

– Нет-нет, что Вы. Я приеду. А Вы будете выступать?

– Очень надеюсь, что да, – усмехаюсь я.

– Ох, боже мой, и я смогу посмотреть?

Соня прикрывает рот рукой.

– Надеюсь, ты еще сможешь послушать и даже что-то запомнить, – ворчу я, совсем не в восторге от завтрашнего дела.

Паркуюсь у общежития и решаю напомнить адрес суда, потому что Соня выглядит какой-то уж слишком возбужденной. Не уверен, что она меня слышит сейчас и запоминает важное.

Но едва я поворачиваю голову, девчонка целует меня прямо в губы. Словно бросок кобры. Она застает меня врасплох. Я не успеваю включить мозг, но рефлексы в порядке. Мои пальцы впиваются в ее волосы, языком проникаю в ее рот, забирая инициативу. Смакую ее губы жадно, почти яростно. А она снова замирает и не противится, не отвечает. Потрясенная или покорная? Лучше не знать ответ.

Я не должен думать сейчас об этом, должен тормозить, иначе…

Делая титаническое усилие, я буквально оттаскиваю ее лицо от своего. Соня смотрит на меня огромными перепуганными глазами.

– Боже, простите. Простите, пожалуйста, Сергей Александрович, – начинает тараторить она, пока я все еще держу ее за косу. – Я нечаянно. Случайно. От радости. Простите, простите меня. Просто я благодарна, что Вы…

– Чи, – шикаю на нее, и Соня обрывает себя на полуслове, не договаривая. – Просто скажи, где ты должна быть завтра без четверти девять?

– В Октябрьском суде. Ждать Вас в холле. На проходной.

– Адрес знаешь?

– Кажется, Почтамтская, семнадцать.

– Верно. Одеться строго, но вроде у тебя нет с этим проблем.

Она кивает, и я чувствую, как натягиваются ее волосы, которые я продолжаю держать. Чтобы не делать больно, отпускаю.

– Ладно, это все. Выспись. Скорее всего, ты понадобишься мне до позднего вечера.

– Конечно, Сергей Александрович. Как скажете, – тараторит Соня.

Я не могу удержаться, говорю :

– Спасибо.

Она снова удивленно смотрит на меня.

– За что?

– «Спасибо» – этого достаточно, чтобы выразить благодарность, София. Целовать или обнимать необязательно. Даже лишнее. Я твой босс, а не бойфренд.

Ее щеки моментально вспыхивают, и я почему-то считаю это личной победой. Кто бы мог подумать, что эта чопорная заучка, которая так уверенно завоевала мое уважение, сейчас будет такой милой и смущенной.

–Да, я поняла, – шепчет девчонка. – Можно пойду?

– Да. Иди, – отпускаю я ее. – До завтра.

– До завтра.

Соня открывает дверь и мчится к общежитию пулей. Я не могу перестать улыбаться, облизываю губы по дороге домой. Там меня снова ждет куча работы. Нужно подготовиться к заседанию, составить речь, несколько прошений по другим делам, просмотреть показания свидетелей по ДТП.

Ближе к полуночи все это разбавляет сообщение от Амины.

Я здорова и свободна. Как насчет поиграть?

Мне бы нужно сразу согласиться, поехать к ней или велеть приехать сейчас ко мне, но я пишу в ответ невнятное:

Много работы.

Когда тебе это мешало? Всегда есть минутка для горячего обеда в офисе.

Вспоминаю быстрые игры в кабинете и снова понимаю, что мне это нужно. Пожалуй, стоит отправить куда-нибудь Соню. Или не стоит?

Учитывая, что у меня встает, едва я думаю о стажерке, то…

Не решив ничего толком, не желая ничего сейчас обсуждать с Аминой, тем более игры, я пишу кратко:

Возможно. Я проверю расписание.

И закрываю диалог.

Глава 5. Зависть

Соня

Возвращаясь бегом в общагу, не могу перестать проклинать себя. Это же надо было додуматься! Поцеловала Бельского. Вот идиотка. После того, как мы договорились держать дистанцию. После того, как он практически предложил мне работу и карьеру. Достойно извинился, признал ошибку, а я… Я дура. Никогда не бросалась на мужчин, никогда особенно и объятия не любила. Как это все произошло так быстро?

Слава богу, он не отменил наши договоренности. Наверно, теперь один-один. Он не сдержался в кабинете, а я в машине. Мы квиты. Теперь можно просто работать. Суд, заседания, без четверти девять на Почтамтной.

Тряся руками от нервов, я вхожу в комнату. Мила сидит за столом с книгой, но в меня взглядом стрельнула. Я решила полистать гражданское право, чтобы завтра не плавать в терминах. Залезла в тумбочку за тетрадью и наткнулась взглядом на тест. Черт. Разумеется, еще рано. И вряд ли. Точно нет. Я перевернула его, прикрыла тетрадями, чтобы не думать об этом. Сейчас все мысли только об учебе и стажировке. Я не беременна. Не беременна и точка!

– Это Бельский приезжал? – спрашивает Мила, пока я изучаю особенности недостойных наследников.

– Куда? – удивляюсь я слишком сильно, наверно.

– Сюда. К тебе. Ты вышла из его ауди.

Шах и мат.

– Да, – отвечаю я, не зная, что наврать.

Но этого и не требуется. Мила уже все про меня знает. Можно не признаваться.

– Отсосала ему, да? Алка кофе принесла, задницей крутила, но ты пошла дальше. Признайся, Семенова. Ты из простой семьи, амбициозная стерва с комплексом отличницы. Понятно, что тебе нужна эта стажировка. Я тебя не осуждаю, честно. Но врать зачем?

У меня нет слов. Вот, оказывается, что думает обо мне соседка. Кажется, не только она, но и Алла, и Гена. Я могу оправдываться бесконечно долго, но все равно останусь виновной. Во всех смертных грехах. Они уже все решили.

– Это отвратительно, Мила, – только и говорю я, отворачиваясь к стене.

Уж если отсосать Бельскому, то просто так, а не за должность. Он ведь не мерзкий Филимонов, на которого и смотреть противно. Остаток вечера я стараюсь не думать о Сергее Александровиче. Тем более о его члене.

С Милой мы больше не разговариваем, но утром она очень красноречиво на меня смотрит, когда я одеваюсь и иду явно не в универ на занятия. Мне даже обижаться на нее нельзя,

потому что со стороны действительно выглядит, что я насосала себе эту стажировку. Мне самой с трудом верится, что Бельский ценит во мне пунктуальность, исполнительность и умение варить кофе.

И уж точно никто не поверит, что просто повезло. Сергей Александрович немного с приветом, капризный и требовательный к мелочам. Есть соблазн пообщаться с Лешкой об этом, но пока я запрещаю себе подобные мысли.

Бегу к метро, потом в суд. Жду на крыльце, как приказано. По Бельскому можно часы сверять. Он появляется ровно без пятнадцати, выходит из машины, и я таю. Черт, ну почему он такой красивый? Почему мой босс не может быть грузным коротышкой, как тот же Филимонов? Его я бы вряд ли кинулась целовать.

– Доброе утро, София, – поет соловьем Сергей Александрович, и его официальное обращение заставляет меня спуститься с небес на землю.

Это очень классно. Почти как игра. Вчера он звал меня Соней, мы общались неформально, словно друзья, но сегодня он снова мой босс. Строгий и деловой. А я София. Да, эти правила игры я принимаю с удовольствием. Мы идем к проходной, Бельский по пути выдает мне пропуск, который забирает у охранника. Я потрясена. Когда он успел?

На заседании Бельский время от времени делает пометки на листе. Я украдкой читаю. Примерно то, что вчера повторяла по лекциям. К концу заседания Сергей Александрович берет слово, и я забываю обо всем. Его интонации и громкая четкая речь делают меня немного пьяной. Кажется, самое сексуальное, что может быть в мужчине – это строгий костюм и вежливая просьба перенести слушание, чтобы опросить новых свидетелей со стороны истца тоже.

Очень странно и нездорово, но речь Бельского меня не просто восхищает, но и заводит. Я стараюсь слушать слова, но меня размазывает от интонаций. Неудивительно, что он столько дел выиграл. Судьи наверно просто не могут ему отказать. Этому голосу хочется подчиняться. Я вспоминаю мое приключение на вечеринке, вздрагиваю. Тот мужчина тоже зомбировал меня.

Ох, лучше не проводить аналогии. Мне же нужно учиться, запоминать, втягиваться в процесс. К черту секс. Пытаюсь собраться, но по пути в офис все равно как вареная курица. В салоне машины уютно, как вчера. Когда я целовала Сергея Александровича.

Слава богу, он сразу берет меня в оборот и начинает задавать вопросы по процедуре заседания. Я почти на все знаю ответы. Бельский кивает. Он доволен. В офисе я варю кофе и составляю его расписание на неделю. Свое – тоже. Мне нужно доехать до прокуратуры на этой неделе и еще раз к нотариусу. Я почти официально помощница Бельского. От этого захватывает дух. А вот сам босс явно не в духе. Он собирается на обед, а меня отправляет учиться. Странно, но впервые в жизни я хочу прогулять.

– Так ведь на одну пару всего успею, – капризно оправдываюсь я, желая побольше времени провести в офисе. – Может, мне лучше заняться теми делами, о которых Вы говорили? Нужно составить прошение…

– Нет, – обрывает меня Бельский. – Мы договаривались. Тебе нужно взять максимум знаний и у меня, и в университете. Занимайся сама после лекции. Возьми конспекты у одногруппников и перепиши, что пропустила. Тупая работа, но необходимая. Еще я жду эссе к завтрашнему дню. От тебя тоже.

Я соглашаюсь с ним, конечно. Мы опять оказываемся вместе в машине, он подбрасывает меня до метро.

Работать на Сергея Александровича и учиться одновременно очень сложно. Но я все равно не завидую ребятам, которые будут приходить дважды в неделю на два часа, сдавать эссе и отвечать на вопросы.

Мила продолжает делать вид, что меня не существует. Она не разговаривает со мной дома, но это меньше всего сейчас беспокоит. Я полностью в учебе, а теперь еще и задания по практике прибавились. Кроме поручений приходится разбираться в общих вопросах, чтобы составить прошение и не наляпать ошибок. К тому же все еще непонятно, беременна я или нет. Не выдерживаю и делаю тест на следующий день. Одна полоска. Сама над собой смеюсь, потому что это полный бред. Ничего мне не покажет так скоро. Да и не беременна я.

В общем, мне некогда реагировать на зависть.

С утра бегу в прокуратуру, стараясь не думать о своих приключениях на вечеринке. Думаю о работе, но это еще хуже, потому что опять в голове Сергей Александрович. Чувствую, что превращаюсь в его фанатку, но от этих мыслей немного отвлекает молодой следователь Артем, который бессовестно клеит меня, зовет покурить и даже приглашает работать к ним. Я отказываюсь от сигареты, но выхожу поболтать. Не повредит иметь хороших знакомых. Особенно в прокуратуре. Работать я туда не пойду, но Артему об этом знать не обязательно.

– Почему опоздала? – спрашивает меня Бельский, едва я возвращаюсь в офис.

Он опять не в настроении. Бывает ли оно у него вообще? Нормальным Сергей Александрович показался мне разве что в тот вечер, когда мы пили кофе.

– Вы же сами велели в прокуратуру заехать. Я все получила. А еще следователь на меня запал, – зачем-то хвастаюсь я.

Бельского это не впечатляет, но он кивает.

– Нормально. Если что, не стесняйся использовать личные связи для дела. Иногда следаки любят палки в колеса вставлять. А эссе готово?

Я отдаю ему материалы следствия и свою работу. Благодарности или похвалы мне не достается, разумеется. Сергей Александрович просто кидает все на стол, говорит :

– Кофе сделай. Тебе сегодня в суд нужно довезти документы. Составь два прошения. Все до обеда, потом поезжай.

– А как же занятие? Вы будете разбирать эссе?

– Буду, но без тебя.

Я закусываю губу и иду исполнять. До обеда мне некогда голову поднять. Я едва успеваю глотнуть кофе и исполнить все порученное. Ребята застают меня за столом, и я едва ли их замечаю, потому что опаздываю. Бельский выходит в приемную и собирает работы, начинает опрос по теме, одновременно просматривая эссе.

Они обсуждают возможные лазейки в делах о наследстве, даже устраивают небольшой диспут. Я в это время лихорадочно заканчиваю и собираюсь убегать.

– София, – окрикивает меня Бельский уже у двери и протягивает ключи от машины,

– Ээ… Ммм… – мычу я невнятно, не зная, что с ними делать.

– Что? Разве тебе не нужно быть у помощника судьи через полчаса?

– Да, конечно, но… – продолжаю я бормотать. – Мне нормально на автобусе.

– Бери машину, – приказывает Бельский опять тем самым тоном, от которого у меня мурашки по спине и ноги подкашиваются.

Он вкладывает ключи мне в руку. От мимолетного прикосновения меня словно бьет током. Я вздрагиваю и отступаю к двери, чувствуя себя раком. На меня смотрят одногруппники. Особенно Алла, которая лично убеждается, что ко мне особое отношение.

Переживать об этом некогда.

Я спускаюсь в гараж, чтобы сесть в ауди. На пассажирском сидении лежит доверенность, в которую вписаны мои права.

Когда этот человек все успевает? Вот когда? И ведь оставил на видном месте, чтобы я знала. Убираю документы в бардачок, завожу мотор. Пробок в нашем районе почти нет. Навигатор рисует мне идеальный путь, и я уже через десять минут на месте.

Голова кружится от голода, и я покупаю на обратном пути сэндвич в кофейне. Есть в машине не решаюсь. Нужно сосредоточиться на дороге, да и сорить в шикарном салоне Бельского страшно. Вряд ли он обрадуется, если я заляпаю руль или панель.

Поэтому мой обед проходит на бегу. С набитым ртом я встречаю в коридоре на нашем этаже Лешку. Едва завидев меня, он ржёт.

– Привет, хомяк, – и тыкает в мою щеку пальцем.

Я пытаюсь быстро проглотить, давлюсь. Белов продолжает смеяться, но наливает мне воды из кулера.

– Ой, Соф, на, попей скорее, не могу на тебя смотреть.

– Не смотри, иди куда шел, – огрызаюсь я, хлебнув водички.

– Тебе не на пользу стажировка у Бельского. Такая же нудная и злая стала.

Я шлепаю его ладонью по плечу, а он ерошит мои волосы.

– Отстань, – как всегда отмахиваюсь я от шуточек, прилизывая обратно выбившиеся пряди.

– Наташа до тебя дозвониться не может. Хотела в гости позвать. Ко мне, – меняет тему Белов.

– К тебе?

– К нам, если точнее. Мы решили съехаться.

У меня шок. Я точно знаю, что Наташа не стала бы настаивать на таком скором развитии отношений. Она хотела закончить учебу, а потом уже думать о перспективах с Лешей. Но он, похоже, подумал раньше.

– Ты ей предложил? – спрашиваю я.

– Да, и она согласилась. С моей занятостью теперь – просто жопа. Не вижу ее совсем. Так хоть ночью будет к кому в постель упасть.

Я рада за них. Очень, но не могу не сморщить нос, чтобы подразнить Лешу.

– Не надо про вашу постель подробностей. Я этого не перенесу.

– Вредная ты, Софка. Стервелла.

Киваю, но позволяю себе размякнуть на секунду.

– Вы классные у меня.

Я обнимаю Лешку, и он крепко стискивает меня в ответ специально слишком сильно, до хруста костей. Я хохочу, отпихиваю его.

– Что? Бутер назад сейчас полезет? – продолжает издеваться Белов.

Я не успеваю врезать ему еще раз, потому что слышу:

– София, сколько я буду ждать? Ты уехала сорок минут назад!

– Простите, – тут же извиняюсь я.

Разумеется, меня не было сорок минут. Половина из них заняла дорога, еще десять пришлось ждать, а остальное время помощница судьи смотрела на меня волком и не стеснялась вслух жалеть, что Сергей Александрович не приехал сам.

Но я просто извиняюсь и убегаю в приемную его кабинета, махнув Леше на прощание. Бельскому не угодишь и точно не оправдаешься, перечисляя всю эту хронологию.

Я убираю сэндвич, не доев, возвращаюсь в офис. Все трое моих одногруппников замолкают, едва я вхожу. Занимая место за столом, я возвращаюсь к своей работе. Если Бельский задержится, можно позаниматься курсовой работой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.